

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 187–194

<https://bonjour.sgu.ru>

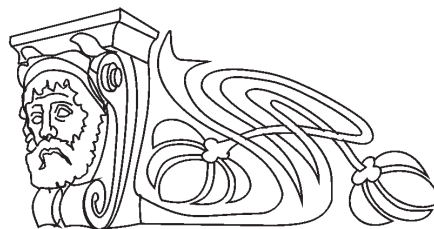
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-187-194>, EDN: MCHANG

Научная статья

УДК 821.111.09-392+929Метэм

«Экфрасис созвездий» в романе Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (XV в.)

В. Б. Семёнов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Семёнов Вадим Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы, vadsemionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-5381>

Аннотация. В данной статье материалом исследования является фрагмент рыцарского романа «Аморий и Клеопа» Джона Метэма, английского ученого и поэта середины XV в. Объектом исследования стало описание созвездий Северного и Южного полушарий, рассматриваемое как экфрасис. Если само восприятие древними небосвода представляло экфрасис первой степени, при котором отдельные герои и части сюжетов античных мифов как памятников словесного искусства проецировались на небо и визуализовались с помощью закрепления за отдельными группами звезд, то описание романским повествователем Метэмом указанных созвездий явилось возвращением от визуального изображения к словесному, следовательно, экфрасисом второй степени. Основными методами исследования стали анализ текстологический и анализ интертекстуальный. Цель исследования – выявить особенности упомянутого экфрасиса. В результате работы с фрагментом романа сделаны следующие выводы, касающиеся особенностей описания созвездий: автор памятника ориентировался на воспроизведение в нем сведений, относящихся к мифологической, а не математической составляющей астрономии, и поэтому он не ссылаясь на таких известных астрономов-геометров, как Птолемей и Гиппарх, но в то же время больше интересовался, как воспринимали небесные явления философы и поэты Античности; в рамках характерного для всех средневековых писателей тяготения к риторическим приемам, особенно таким, как амплификация, помогающим многословьем придать собственному стилю статус книжного, высокого, Метэм нередко одни и те же созвездия называл разными именами, посредством чего вводил аллюзии на разные мифы; писатель не механически копировал стереотипные мифолого-астрономические сведения, а дополнял и развивал их, его искания в области формы в данном случае влияли на содержание фрагмента. Наконец, главной выявленной особенностью оказалось стремление подчинить «экфрасис созвездий» задаче создания единой астрономо-мифологической системы.

Ключевые слова: Джон Метэм, «Аморий и Клеопа», рыцарский роман, сферическая астрономия, экфрасис

Для цитирования: Семёнов В. Б. «Экфрасис созвездий» в романе Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (XV в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-187-194>, EDN: MCHANG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Ekphrasis of the Constellations” in J. Metham’s romance *Amoryus and Cleopes* (15th century)

V. B. Semyonov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia.

Vadim B. Semyonov, vadsemionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-5381>

Abstract. In this paper, the research material is a fragment of the chivalric romance *Amoryus and Cleopes* by John Metham, an English scientist and poet of the mid-15th century. The object of the study was Metham’s description of the constellations of the Northern and Southern Hemispheres, contained in the text and considered as ekphrasis. If the very perception of the firmament by the ancients represented ekphrasis of the first degree, in which individual heroes and parts of the plots of ancient myths as products of verbal art were projected onto the sky and visualized by assigning them to individual groups of stars, then the description of the indicated constellations by Metham’s romance narrator was a return from the visual image to the verbal one, therefore, an ekphrasis of the second degree. The main research methods were textual and intertextual analyses. The purpose of the study was to identify the features of the mentioned ekphrasis. As a result of inspecting a fragment of the romance, the following conclusions were made regarding the features of the constellations’ descriptions: the author of the opus focused on reproducing the information related to the mythological, rather than the mathematical component of astronomy, and therefore he did not refer to such famous astronomers-geometricians as Ptolemy and Hipparchus, and at the same time he was more interested in how the philosophers and poets of Antiquity perceived celestial phenomena; within the framework of the characteristic medieval overuse of rhetorical devices, especially such ones as amplification, which help to create the effect of learned, elevated style through loquacity, Metham frequently uses different names for the same constellations, and thus introduces allusions to different myths. The writer did not mechanically

Keywords: John Metham, *Amoryus and Cleopes*, chivalric romance, spherical astronomy, ekphrasis

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Повествователь описывает устройство сферы, показывая, как внутри нее своими небесными путями вокруг Земли как центра двигались созвездия. Поскольку связывание древними отдельных групп звезд с отдельными фигурами героев мифов было фактически экфрасисом, визуализирующим словесный материал мифов, то описание созвездий упомянутой сферы в романе Метэма явилось *экфрасисом второй степени*, «обратным переводом» рисунков тех

Далее с обозначенной целью мы обратимся к фрагменту романа с «экфрасисом созвездий». Источник нижеследующих цитат – отдельное издание романа, осуществленное в 1999 г. С. Пейджем [3]. Поскольку недооцененный роман Метэма ни разу не был переведен со среднеанглийского не только на иностранные, но даже на современный английский язык, цитирование оригинальных строф будет сопровождено поэтическим переводом автора этой статьи.

In the este ende of this tempyl this spere apperyd aloft
Fyve cubytys fro the ground alwey mevyng
Noudyr hangyng ner undyrborn of herd ner of soft
But alone in the eyar to every mannys eye apperyng
So mervulus a melody yt causyd to folkys heryng
That half thei raveschyd were be the sqwete armony
Of the swyft glydyng of thise cerkyllys by and by

Во храме на виду пари́ла сфера та, // В пяти
локтях висят над полом и крутятся, // Ни сверху

свешена, ни снизу подперта. // Вид её в воздухе,
людской лаская глаз, // Казался чудом, и мелодия
лилась, // Своей гармонией чаруя всех вокруг,
// Покуда над землей скользил за кругом круг).

Сама идея сферы связана с представлениями древних со времен Аристотеля о трехмерном пространстве космоса. Античная геоцентрическая модель мира предполагала наличие вокруг Земли восьми кругов, или «небес»: семи орбит «подвижных звезд» (ими считали Луну, Меркурий, Венеру, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн¹) и восьмого круга «неподвижных звезд» (к ним относили знаки Зодиака и иные созвездия, так как любая звезда каждого созвездия не меняет положения относительно других входящих в его состав звезд). «Фигурами» Метэм называют знаки Зодиака, а все прочие созвездия – просто «знаками». То, как выглядит небесная сфера *извне*, Метэм, бывший кембриджским ученым, должен был хорошо представлять: знаменитый греческий астроном и математик Эратосфен Киренский (III–II вв. до н.э.), первым рассчитавший размеры Земли, создал *армиллярную сферу* – важный астрономический инструмент Античности, который в средневековых университетах служил для студентов *зримой моделью небесной сферы*. Так же и для посетителей храма Венеры моделью стала сфера, созданная нигромантом. Как мы увидим далее, Джон Метэм точно знал об Эратосфене, поскольку текст романа свидетельствует, что он читал егоopus «Катастеризмы». И, конечно, образованные англичане знали трактат Иоанна де Сакробоско (XIII в.) “De Sphaera” («О сфере»), потому что он был одним из основных источников в курсе европейского университетского обучения астрономии. Первая часть трактата была посвящена базовым астрономическим вопросам сферической геометрии, как раз тем, которые отразились в романе [4, с. 72–74].

And in the over cerkyl including alle this huge werk,
Aftyr astrologerys descripcion, Applanos hyght;
The qwyche undyr, hevyn empure, and as Haly the
gret clerk
Doth specyfy qwere he of constellacionys doth wryght,
Ys nest; and so vysuually to yche mannys syte,
Abovyn this spere enchauntyd, apperryd over, more
and les,
As lyqwyde gold brennyng in a furnes.

But the secunde cerkyl, ther ys no lyvyng creature
That myght yt behold but gretly he schuld wondyr

Of the operacion and ryches of that mervulus fygyre.
For in that the fyx sterrys were and sygnys mevyng
asundyr,
Sum uprysing, and sum dessendyng, and sum cerkuly
mevyng undyr,
The qwyche multytude, in fere, aftyr paynymys opynyon,
Was clepyd the Colege of Goddys, aftyr pouyetys
denominacion

(ст. 521–534: И первый, внешний круг огромной сферы той, // Который школяры Апланосом зовут, // Как пишет астроном Али, явил собой // Небесный эмпирей, близ коего живут // Созвездья. Дивный круг блестел и там, и тут, // Так что на взгляд, казалось, и не отличить // От злата жидкого, кипящего в печи.

Но нет того, кто круг увидел бы второй, // А то бы удивлен был действием его: // Внутри – застывших звёзд блестел чудесный рой, // И знаки двигались раздельно. Таково // Движенье: вверх один, другой вниз, вокруг него // Плыл третий. Множество звёзд, знаков и планет // Коллегией Богов зовёт иной поэт).

Апланос – термин, обращающий на себя внимание тем, что сразу дает представление о возможных научных источниках Метэма. Сам термин употребил писавший на латыни греческий философ IV в. н.э. Халкидий (или, на латинский манер, Кальцидий), чьи комментарии к диалогу Платона «Тимей» имели в Средние века широкое распространение. Вослед Платону Халкидий называет Апланосом восьмое «небо» с его «неподвижными звездами» [5, р. 156]. Впрочем, термин мог прийти к Метэму из источника ещё более влиятельного – из поэтического opуса Иоанна Гарландского, одного из главных риторов Средневековья, “Exempla honestae vitae” («Примеры достойной жизни»), в стихе 52-м которого встречаем: “Applanos occurit testante Platone planetis” («Аппланос возник у Платона, наблюдающего за планетами») [6, р. 140]. Кстати, Метэм, подобно Иоанну, использовал греческую форму «Аппланос». Но не Халкидия или Иоанна Гарландского назвал поэт в романе, а араба Хали Абенрагеля («великого ученого Хали»), астронома и в большей степени астролога XI в. Темой подчинения судеб звездам, присутствующей в первой строфе этого «экфрасиса созвездий», он на несколько веков увлек европейцев. Его «Полную книгу звездных предсказаний» в Средние века переводили на многие языки, но чаще обращались к ее латинскому переводу. Хали не имел отношения к термину «Апланос», но сама фигура «второго

¹ Здесь они перечислены в порядке удаленности от Земли, как это представляли философы Греции и Рима.

Птолемея» (это было звание Хали) была столь же экзотичной, сколько и соответствующее указанному термину понятие.

Чудесными и волшебными представлены у Метэма разнотипные движения небесных тел, причем автор, скорее всего, описывает *экваториальные* и *эклиптические* движения небесных тел, явление *прецессии*, знакомое таким чистым античным астрономам, как Гиппарх или Птолемей, но обходится без соответствующего круга понятий, делая упор не на научную точность описываемой сферы, а на визуальную привлекательность изображаемых процессов, которые она обозначила.

Заметим, пример, в частности, зодиакальных созвездий подтверждает особенное отношение средневековых умов к созвездиям в целом: вслед Платону влиятельный философ Макробий (V в. н.э.) полагал, что приходящая в мир душа нисходит с небес на землю, и рассматривал зодиакальные созвездия и некоторые другие небесные явления как ступени на этом ее пути [7, р. 33].

And in the fyrst fyx sygne, the doutyr of Lycaon,
Clad in sterrys of gold, cumpasyng tweyn berys qwyght,
Wyth a saphyryne serpent stedfastly stondyng in one,
The qwyche the north pole ys clepyd, or Artos bryght,
Nest home Artophylax stondyng redy for to fyght,
In the defens of Arcton, clad in a palle smaragdyne,
Adornyd wyth sterrys of gold, to the centyr hys face
dyd declyne;

Upon hos schuldyr the garlond of Adryagne
Aperyd in the symylytude as a ryche topas;
Nest home stode Kyng Hercules that alle Asy wanne,
The skyn of a lyon in ryght arme dyd enbras
Wyth a gleyve of gold dyvydyng the cerkyl or cumpas
Of somer; closyd in sterrys flamying nynetene;
The qwyche in hys exorte of astronomers hyghly myght
be sene

(ст. 535–548: Дочь Ликаона – то застывший первый знак // В златой вуали звезд. А рядом с ним – другой, // Дракон сапфировый зажал его, да так, // Что Артос засветил Полярною звездой. // Весь в звёздах золотых, готовый принять бой, // Стоял Артофилакс в смарагдовой броне // И охранял Арктон от всех угроз извне.

А над плечом его не Ариадны нить – // Её корона в желтом блеске, как топаз. // А рядом Геркулес, сумевший подчинить // Всю Азию своей деснице, что сейчас, // Увита шкурой льва, с златым копьем взвилась // К экватору. И девятнадцать звёзд в ночи // Любой из звездочетов сможет различить).

Особенностью описаний «фигур» (т.е. наблюдаемых созвездий) у Метэма является то, что он, очевидно, богатства языка ради, время от времени использует для одного и того же созвездия несколько имен, которые обращают читателей к разным связанным с этим созвездием античным мифам. Так, «дочь Ликаона» – напоминание о нимфе Каллисто, родившей от Зевса сына Аркада/Аркаса (Арктоса?), и о том, что они позднее были перенесены Зевсом на небо в качестве созвездий. Известно, что разные мифы объясняли, как Каллисто превратилась в Большую Медведицу, но в романе читаем: “cumpasyng tweyn berys qwyght” («окруженная двумя белыми медведями») – и фиксируем то, что дочь Ликаона, по воле Метэма, отделена от Большой Медведицы. В то же время фраза служит аллюзией на другой миф, по которому нимфы Киносура и Гелика, кормилицы Зевса/Юпитера, были в благодарность увековечены им превращением в Большую и Малую Медведицы [8, с. 33–35]. Поскольку Полярная звезда входит в созвездие Малой Медведицы, а Метэм в тексте обозначил угрозу этому созвездию со стороны Дракона, можно отметить следующую особенность описаний, связанную с предыдущей, – стремление соединить разрозненные мифы в единый «экфрасис созвездий» и даже (по необходимости) *дополнить* их; в частности, нет античных мифов, из которых бы следовало притеснение одного созвездия другим: Драконом – Малой Медведицы. Есть лишь упоминание в «Явлениях» Арата из Сол о том, что Дракон достигает одну из Медведиц хвостом и извивается около другой [9, с. 26]. И мифа о Каллисто с двумя полярными медведями также не существовало, это художественные домыслы молодого поэта, решившего, что отдельные мифы, живущие на небе, следует сложить в *единую астрономо-мифологическую систему* для представления читателям. Кстати, фрагментарные попытки создать ее Метэм мог заметить в тех же «Явлениях» Арата.

В той же строфе упомянут Артофилакс (правильная античная форма – «Арктофилак»). Это созвездие Волопаса, повернутое к соседней Большой Медведице, которую во времена Гомера греки ещё называли «Повозкой», и, согласно их представлению, пять звезд выглядели повозкой, а две оставшиеся – волами, Волопас же тех волов погонял и заботился о повозке. Когда Повозка превратилась в Медведицу, Волопас стал Арктофилаком (небесное имя Аркада, сына Каллисто, который, согласно ещё одному мифу, охотился

на нее в то время, когда она была превращена Артемидой/Дианой в земную медведицу) [8, с. 35–38]; с этого времени «фигура» данного созвездия приобрела амбивалентность: во-первых, сын охотился на мать и на небесах (на некоторых картах Волопаса стали изображать держащим на поводке созвездие Гончих Псов и повернутым к Медведице, которую псы кусали), во-вторых, Арктофилак защищал Медведицу, потому что к нему перешла по наследству функция Волопаса присматривать за экс-Повозкой.

С упомянутыми созвездиями Метэм связал и созвездие Геркулеса, впрочем, до него это делали и Арат, и Эратосфен Киренский, автор «Катастеризмов». Указание на то, что в данном созвездии 19 звезд, свидетельствует о том, что Метэм читал «Катастеризмы» [10, с. 64–65], поскольку в звездном каталоге Гиппарха к созвездию были отнесены 24 звезды, а у Птолемея в «Альмагесте» – 28 звезд. И это Эратосфен первым связал созвездие с мифом о Геракле, победившем дракона, сторожа золотых яблок Гесперид (последний подвиг, за который Зевс, по словам астронома-поэта, превратил любимого сына и побежденного дракона в созвездия). Ранее «фигура» называлась «Коленопреклоненный», потому что представляла человека, опустившего колени и упершегося им в небесного змея: тем легче было Эратосфену переназвать созвездия в Дракона и Геркулеса. Также Эратосфен и за ним Гигин указывают, что левая рука Геракла была обернута львиной шкурой (очевидно, для защиты от драконьих клыков), а в правой была палица; но многие астрономы, рисовавшие созвездия, пропустили такую деталь, как рука в шкуре, и на своих небесных картах рисовали более традиционного Геркулеса, полностью обернутого львиной шкурой, поэтому интересно, что Метэм вернулся к детали Эратосфена, однако обернутой оказалась правая рука, которая, между прочим, держала далеко не античную *глефу* (слово “a gleuve” появилось в среднеанглийском языке не ранее XIV в. для обозначения длинного древка с насаженным на него коротким мечом).

В своем экфрасисе Метэм визуализирует «фигуры», акцентируя внимание на их блестящих украшениях: дочь Ликаона одета в золотые звезды, Волопас/Арктофилак – в изумрудных одеяниях, украшенных теми же золотыми звездами, рядом с ними сапфировый Дракон, а созвездие Северной Корона (которая соотнесена с венцом Ариадны) блеском напоминает желтый топаз. Это и желание придать величественный

вид описанию небосвода у автора, помнящего о важном социальном статусе адресатов романа – четы богатых и титулованных Стэплтонов, и стремление к тому, чтобы его экфрасис *соответствовал мотивировке*, ранее заданной сюжетом: нигромант получил от заказчиков волшебной сферы требующиеся материалы, в частности разные драгоценные камни. Вот и созвездия Орла, Дельфина и Пегаса в одной из следующих строф явились «фигурами» из драгоценных камней: рубинов, алмазов и сапфиров.

And be Hercules, the harp musycal of Orphé
Was joynyd to the pole of the qwych, as poyetys feyne,
Orphe wyth the sqwete melody from Plutoys fyry see,
As fro helle, hys wyfe he harpyd ayeayne.

And undyr this harpe the sqwan that to Jovys dyd
perteyne
Was plumyd wyth oryent margaryts; and taward the
lesse bere
Thyse goddys and goddessys conjoynyd were.

Cephe and Casyep, fayre Andrometé and semly Persé
The kyng of Cryse, and nakyd Opylenk involvyd wyth
a serpent

Wyth the goldyn arow of Hercules that the egyl dyd sle,
The egyl flying by, and the dolphyn that in the spere ys
resydent,

And wyngyd Pegasus that made in Boyse the welle oryent,
Wyth the trianguyl, qwyche imagys were made in her
fyguryrs

Off sundry precyus stonys as of carbunkyllys, dyamaunts,
and saphyryrs

(ст. 549–562: А рядом Лира – та, с которою Орфей // Проплыл по озеру, укрывшему спуск в ад, // Напевом сладким из плутоновых сетей // Извлечь жену, как нам поэты говорят. // Под Лирой – Лебедь, чей заимствовал наряд // Жемчужный сам Юпитер. И вблизи от Малой // Медведицы богов собрание предстало:

С Кассиопеей, Андромедой – царь Цефеей // И зять его Персей; со змеем – Эскулап. // Орёл, которого сразил стрелой своей // Однажды Геркулес, Дельфин, той сферы раб, // Пегас, создавший Иппокрену, – их когда б // Увидел кто, признал сверкающей триадой: // Так драгоценности притягивают взгляды).

Ранее упомянутые созвездия расположены на Северной полусфере небосвода по окружности, ближайшей по отношению к Северному полюсу. За ней следует окружность, отстоящая от него далее, – и молодой поэт в описании её созвездий становится более краток. Ему нужно было найти некий связующий элемент для того, чтобы перейти к данной более широкой окруж-

ности, и таким элементом явился античный мотив спуска в царство мертвых. Перед лицом Геркулеса, повернутого к Дракону, находится созвездие Лиры. Лира есть то же, что арфа Орфея, вот Метэм и напомнил о том, что легендарный певец древности спускался в Аид так же, как туда проник Геракл в поисках Кербера и умиротворил чудовище. Орфей, чтобы было понятно читателям-христианам, вызвал Эвридику “from Plutoys fury see, // As fro helle” («из огненного озера Плутона, как из Ада»). По-видимому, в озеро гиперболизирующим поэтом превращена Пирифлегетон, впадающая в Ахерон огненная река. Небольшая вольность допущена Метэмом при упоминании о Пегасе, умевшем ударами копыт раскалывать землю и создавать источники. Так, в указанной поэме Беотии находился, согласно преданию, и самый известный из них – Иппокрена. Но поэт буквально написал о “the welle oryent” («колоде на восточный манер»), как будто вел речь об окрестностях не беотийских Фив (Беотия, “Boyse”, как раз названа), а египетских.

But for that this matere ys obscure and to onletteryd
noght delectabyll,
I pase schortly; but sythyn I have begunne to describe
the spere,
Brevely I schal conclude, omytting colourys as of sylver
and sabyl,
Asure, gold, goulis, and verd; the ennamyllingys in
sundry manere
Of the vestytur of goddys as thei wrowght were in fere
Be enchauntement; and now the resydu up to describe,
I pray yow of pacyens; I schal ado belyve

(ст. 563–569: Но буду краток, ведь для неучей предмет // Не интересен сей. Пытаясь рассказать // Про сферу, опущу, к примеру, всякий цвет: // Сребро иль чернь; еще не смею указать // Я зелень с пурпуром и злато с тем, что звать // Лазурью. И теперь осталось мне успеть // Остаток описать, а вас прошу терпеть).

В романе Джон Метэм транслирует многие сведения из разных отраслей знаний, но когда речь идет об астрономии, его повествователь надевает маску сноба, поддразнивающего не знающих сложной науки астрономии неучей. С 1575 г. в библиотеке Кембриджа хранилась рукопись *Cambridge, Corpus Christi College, MS 456*, в которой были собраны различные астрономические описания: рукопись начиналась с ранее упомянутого трактата Сакробоско «О сфере», а заканчивалась широко известной

в Средневековье анонимной компиляцией “*Secreta Secretorum*” («Тайной книги тайн») [11], в которой повествователь, напротив, подчеркнуто описывает астрологию как вполне понятную, а потому несложную дисциплину. Все части рукописи, как считают, переписаны в нее из других манускриптов, датируемых XIV в. по особенностям языка. Если Метэм был в середине XV в. ученым из Кембриджа, он, скорее всего, знал те работы, из которых была в неизвестное время составлена упомянутая рукопись, век и более спустя завещанная Кембриджской библиотеке.

And nest thise foresayd, Phebus twelve dwellyng placys
Sundryly apperyd, the qwyche be clepyd in commune
langage

The twelve synynys of the yere, kepyng there pacys
In this forsayd spere, cloyd in oryent sterrys as in
a cage,

As the Ram, the Qwyght Bole, the Tweyn Bredyr
of Grekys Lynage,
The Crab, the Lyon, the Vyrgyne, and the Weghtys,
The Scorpyon, the Sagytary, the Capricorn, the Aqwry,
and the Fysschys.

And southe in the spere toward the Octyan
The Qwalle was, hornyd Padus, the Hare, and Oryon
Wyth the sqwyf Grehound, and fers Prochyon,
The schyp of Argus, the Centaure or the monstyr of
Chyryon,
The fygyre of the Dorys of the Tempyl of Salomon,
Wyth the serpent namyd Ydra, the Pese, and the Crow
And the fysch clepyd Serus; thus thei namyd were
a Rome

(ст. 570–583: И вслед за всеми – Феб в двенадцати домах // По очереди (их обычно мы зовём // Зодиакальными), что на своих местах // В той сфере заперты восточных звёзд ключом: // Баран, Бык Белый, Близнецы, да Рак со Львом, // Дева с Весами, Скорпион, потом Стрелец, // И Пан, и Водолей, и Рыбы, наконец.

У Окциана (имя юга сферы той) // Был Кит, с ним Заяц, Пад рогатый, Орион, // И ярый Прокцион, и скорый Пес Большой, // Корабль Арго, Центавр, известный как Хирон, // А рядом зрелись Храм, чей зодчий Соломон, // Весы и Ворон, также Гидра рядом с ним, // Да рыба Серус, как ее зовет весь Рим).

Наконец, автор романа добрался до зодиакальных созвездий. Сначала он упоминает о том, что в течение года Феб (солнце) проходит двенадцать «домов» созвездий, и сам мотив прохождения солнца по «домам» созвездий, скорее всего, заимствован из латиноязычного

трактата английского астронома Р. Гроссетеста (XII–XIII вв.) [12, с. 13–21]. Далее перечислены сами «фигуры» знаков Зодиака, без каких-либо характеристик. Названия у «фигур» вполне традиционные, кроме созвездий Тельца (он назван «Белым Быком») и Близнецов (автор поминает их как «Двух братьев греческого происхождения», имея в виду братьев Диоскуров, Кастора и Полидевка, рожденных Ледой). И в последней строфе эпизода с «экфрасисом созвездий» Метэм переходит к безостановочному перечислению созвездий Южного полушария. Юг назван «Окцианом», это слово в Античности обозначало одну восьмую часть сферы «неподвижных звезд» (южную), а у некоторых созвездий примечательны названия. Например, созвездие Весы упомянуто в двух соседних строфах: там, где оно вписано в созвездия Северного полушария, оно “Weghtys” (среднеанглийское слово), а где в созвездия Южного – там оно “Pese” (слово, восходящее к нормандскому “peise”, с тем же значением). Примечательно и то, какие в этом перечне делает отступления Метэм от мифов, в частности, какие созвездия пропущены. Так, он выстраивает в ряд Гидру, Весы и Ворона. Между тем вместо Весов следовало указать на созвездие Чаши, поскольку Ворон, Чаша и Гидра неразрывно связаны единым аполлоновским мифом (можно предположить, что Метэм его запомнил) [10, с. 84–85]. «Рогатым Падом» названо мифическое водное чудовище Эридан: грек Полибий, описывавший во «Всеобщей истории» ранний Рим, соотнес Эридана с рекой По (лат. *Padus*) [13, с. 221], а далее Пад стали изображать полурыбой-полубыком (отсюда и рога). Упомянуто и созвездие Рыба, но Метэм измыслил для этой южной рыбы имя “Serus”, в каких-либо мифах не встречающееся. Созвездия Большого и Малого Псов представлены под разными именами: “Grehound” – это калька с лат. “*Canis Major*” («Большой Пес»), а “Prochyon” – не калька, а латинизированное греческое имя созвездия. Интересно, что, разделив имена созвездий по отношению к языкам, Метэм соединил двух Псов выражением, производным от среднеанглийской идиомы “fers and fast” («свирепый и быстрый»); у него Псы в совокупности “sqwyf and fers” (т.е. «быстрый и свирепый»). Самое примечательное в последней строфе «экфрасиса» – упоминание созвездия Дверей Храма Соломона. Речь идет, по нашему мнению, о созвездии Алтарь, которое в Античности также именовали Курильницей. У

созвездия было много имен на латыни, и одно из них “*Templum*” [14, с. 483]. Очевидно, поэт так же превратил алтарь и курильницу языческого храма в двери храма ветхозаветного Соломона, как один из персонажей его романа, одинокий отшельник, спасший героев, в финале разрушил храм языческого политеизма, чтобы провозгласить созидание храма христианской веры.

Рассмотрев «экфрасис созвездий» из романа Метэма, можно прийти к следующим выводам.

1. Поэт более ориентирован на мифологическую составляющую средневековой астрономии, а не на математическую (их С. Маккласки рассматривал как отдельные виды астрономии [15]), поэтому заметен его интерес более к древним, чем современным ученым, и более к философам, чем к чистым математикам (об этом говорит отсутствие обращений к трудам таких авторитетнейших астрономов, как Птолемей и Гиппарх).

2. Будучи поэтом, Метэм отдает дань общей склонности позднесредневековых литераторов к формам амплификации (у него это проявляется в тенденции называть одни и те же созвездия разными именами).

3. Он, опираясь на мнения известных ученых прошлого, время от времени позволяет себе отступать от стандартных представлений или творчески дополнять их.

4. Главное – Метэм подчиняет свой экфрасис задаче создания астрономо-мифологической системы, связующей обособленные схематические рисунки небесных «фигур» в целостную картину. Именно эта тяга к целостности образа небосвода как описываемого явления раскрывает в фигуре автора «Амория и Клеопы» человека с научным складом ума. А проявление этого склада ума в повествовании и описаниях сообщает оригинальность данному образцу средневекового жанра, может быть, более других тяготевшего к стереотипам.

Список литературы

1. Craig H. The Works of John Metham, Including The Romance of Amoryus and Cleopes. London : The Early English Text Society, 1916. 184 p.
2. Семёнов В. Б. Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета // *Litera*. 2023. № 12. С. 403–418. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.12.69469>, EDN: LRYIJV

3. *Metham J.* Amoryus and Cleopes / ed. by S. F. Page. Kalamazoo : Medieval Institute Publications, 1999. 142 p.
4. *Сакробоско И.* О сфере // Средние века. 2020. Т. 81, №3. С. 69–80. <https://doi.org/10.7868/S0131878020030046>, EDN: DRUXOI
5. *Chalcidii V. C.* Timaeus de Platonis translatus. Item ejusdem in eundem Commentarius. Ioannes Meursius recensuit, denuò edidit, & notas addidit. Lugduni Bataurorum : Ex Officina Iusti Colsteri, 1617. 463 p.
6. *Habel E.* Die Exempla honestae vitae des Johannes de Garlandia, eine lateinische Poetik des 13. Jahrhunderts // Romanische Forschungen. 1911. Vol. 29. P. 131–154.
7. *Eastwood B. S.* Ordering the Heavens: Roman Astronomy and Cosmology in the Carolingian Renaissance. Leiden : Brill, 2007. 456 p. (Medieval and Early Modern Science, vol. 8). <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161863.i-453>
8. *Гигин.* Астрономия / пер. с лат., [примеч.] и коммент. А. И. Рубана. СПб. : Алетейя, 1997. 220 с. («Античная библиотека». Античная история).
9. *Арат.* Явления // Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах: об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / пер. и коммент. А. А. Россиуса ; под ред. Н. А. Федорова, П. В. Щеглова. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 24–61.
10. *Эратосфен.* Превращения в созвездия (Катастеризмы) // Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах: об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / пер. и коммент. А. А. Россиуса ; под ред. Н. А. Федорова, П. В. Щеглова. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 62–87.
11. Three Prose Versions of the Secreta Secretorum / ed. by R. Steele, T. Henderson. London : The Early English Text Society, 1898. 293 p.
12. *Гроссетест Р.* Сочинения / под общ. ред. А. М. Шишкова, К. П. Виноградова ; пер. с лат. А. М. Шишкова [и др.]. М. : УРСС, 2003. 298 с. (Biblioteca Scholastica. Вып. 4).
13. *Полибий.* Всеобщая история: В сорока книгах : в 3 т. / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. Т. I, кн. I–V. Изд. 2-е, испр. СПб. : Наука, 2005. 496 с. (Историческая библиотека).
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. И. Е. Андреевского. Т. 1а (Алтай – Арагвай). СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890. 951 с.
15. *McCluskey S. C.* Astronomies and Cultures in Early Medieval Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 252 p.

Поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024;

принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 03.10.2024;

accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025